

Федор Абрамов

БРАТЬЯ
И СЕСТРЫ

ТЕТРАЛОГИЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 16

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Владимира Стожарова «Идет первый теплоход». 1955

© Ф. А. Абрамов (наследник), 2024
© Л. В. Крутикова (наследник),
послесловие, 2024
@ В. Ф. Стожаров (наследники), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27213-2

БРАТЯ И СЕСТРЫ

Помню, я чуть не вскрикнул от радости, когда на пригорке, среди высоких плакучих берез, показалась старая сенная избушка, тихо дремлющая в косых лучах вечернего солнца.

Позади был целый день напрасных блужданий по дремучим зарослям Синельги. Сенá на Верхней Синельге (а я забрался в самую глушь, к порожистым перекатам с ключевой водой, куда в жару забивается хариус) не ставились уж несколько лет. Травища — широколистый, как кукуруза, пырей да белопенная, терпко пахнувшая таволга — скрывала меня с головой, и я, как в детстве, угадывал речную сторону по тянувшей прохладе да по тропам зверья, проложенным к водопою. К самой речонке надо было проламываться сквозь чащу ольхи и седого ивняка. Русло ее перекрестило махнатыми елями, пороги заросли лопухом, а там, где были широкие плеса, теперь проглядывали лишь маленькие оконца воды, затянутые унылой ряской.

При виде избушки я позабыл и об усталости, и о дневных огорчениях. Все тут было мне знакомо и дорого до слез: и сама покосившаяся изба с замшелыми, продыmlенными стенами, в которых я мог бы с закрытыми глазами отыскать каждую щель и выступ, и эти задумчивые, поскрипывающие березы с ободранной берестой внизу, и это черное огневище варницы, первобытным оком глянувшее на меня из травы...

А стол-то, стол! — осел, еще глубже зарылся своими лапами в землю, но все так же кремнево крепки его толстенные еловые плахи, тесанные топором. По бокам — скамейки с выдолбленными корытцами для кормежки собак, в корытцах зеленеет вода, уцелевшая от последнего дождя.

Сколько раз, еще подростком, сидел я за этим столом, обжигаясь немудреной крестьянской похлебкой после страдного дня! За ним сиживал мой отец, отдыхала моя мать, не пережившая утрат последней войны...

Рыжие, суковатые, в расщелинах, плахи стола сплошь изрезаны, изрублены. Так уж повелось исстари: редкий подросток и мужик, приезжая на сенокос, не оставлял здесь памятку о себе. И каких тут только знаков не было! Кресты и крестики, ершистые елочки и треугольники, квадраты, кружки... Такими вот фамильными знаками когда-то каждый хозяин метил свои дрова и бревна в лесу, оставлял их в виде зарубок, прокладывая свой охотничий путик. Потом пришла грамота, знаки сменили буквы, и среди них все чаще замелькала пятаиконечная звезда...

Припав к столу, я долго разглядывал эти старые узоры, выдувал травяные семена, набившиеся в прорези знаков и букв... Да ведь это же целая летопись Пекашина! Северный крестьянин редко знает свою родословную дальше деда. И может быть, этот вот стол и есть самый полный документ о людях, прошедших по пекашинской земле.

Вокруг меня пели древнюю, нескончаемую песню комары, тихо и безропотно осыпались семенники перезрелых трав. И медленно, по мере того как я все больше и больше вчитывался в эту деревянную книгу, передо мной начали оживать мои далекие земляки.

Вот два давнишних полуискрошившихся крестика, вправленных в веночек из листьев. Должно быть, когда-то в Пекашине жил парень или мужик, который и букв-то не знал, а вот поди ж ты — сказалась душа художника. А кто оставил эти три почерневших перекрестья, врезанных на диво глубоко? Внизу маленький продолговатый крестик, прочерченный много позже, но тоже уже почерневший от времени. Не был ли человек, носивший родовое знамя трех перекрестий, первым силачом в округе, о котором из поколения в поколение передавались были и небылицы? И как знать, может, какой-нибудь пекашинский паренек, много-много лет спустя, с раскрытым ртом слушая восторженные рассказы мужиков о необыкновенной силе своего земляка, с сожалением поставил крестик против его знамени...

Весь захваченный расшифровкой надписей, я стал искать знакомых мне людей. И нашел. ЛТМ. Буквы были вырезаны давно — может, еще тогда, когда Трофим был безусым подростком. Но удивительно: в них так и проглядывал характер Трофима. Широкие, приземистые, они стояли не где-нибудь, а на средней плахе столешницы. Казалось, сам Троха, всегда любивший подать товар лицом, топал посередине стола, по-медвежьки вывернув ступни ног. Рядом с инициалами Трофима размашисто и твердо выведены

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

прямые ССА. Тут уж нельзя было не признать широкую натуру Степана Андреевича. А Софрон Игнатьевич, тот, как и в жизни, обозначил себя крепкими, но неказистыми буквами в уголку стола.

У меня особенно потеплело на сердце, когда я неожиданно наткнулся на довольно свежую надпись, вырезанную ножом на видном месте: «М. Пряслин 1942». Надпись была выведена уверенно и по-мальчишески крикливо. Нате, мол, — на Синельгу пришел новый хозяин, который не какие-то палочки да крестики или жалкие буквы может поставить, а умеет расписаться по всем правилам.

1942 год. Незабываемая страда. Она проходила на моих глазах. Но где же главные страдницы, потом и слезой омывшие здешние сенокосы? Ни одной женской надписи не нашел я на столе. И мне захотелось хоть одну страничку приоткрыть в этой деревянной летописи Пекашина...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зимой, засыпанные снегом и окруженные со всех сторон лесом, пинежские деревни мало чем отличаются друг от друга. Но по весне, когда гремучими ручьями схлынут снега, каждая деревня выглядит по-своему. Одна, как птичье гнездо, лепится на крутой горе, или щелье по-местному; другая вылезла на самый бережок Пинеги — хоть из окошка закидывай лесу; третья, кругом в травяных волнах, все лето слушает даровую музыку луговых кузнечиков.

Пекашино распознают по лиственнице — громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов? Во всяком случае, по загуменью, на задворках, еще и теперь попадаются пни. Полуистлевшие, источенные муравьями, они могли бы многое рассказать о прошлом деревни...

Целые поколения пекашинцев, ни зимой ни летом не расставаясь с топором, вырубали, выжигали леса, делали расчистки, заводили скудные песчаные да каменистые пашни. И хоть эти пашни давно уже считаются освоенными, а их и поныне называют новинами или навинами. Таких навин, разделенных перелесками и ручьями, в Пекашине великое множество. И каждая из них сохраняет свое изначальное название. То по имени хозяина — Оськина навина, то по фамилии целого рода, или печища по-местному, некогда трудившегося сообщца, — Иняхинские навины, то в память о прежнем властелине здешних мест — Медвежья зыбка. Но чаще всего за этими названиями встают горечь и обида работника, обманувшегося в своих надеждах. Калинкина пустошь, Оленькина гарь, Евдохин камешник, Екимова плешь, Абрамкино притулье... Каких только названий нет!

От леса кормились, лесом обогревались, но лес же был и первый враг. Вся жизнь северный мужик прорубался к солнцу, к свету, а лес так и напирал на него: глушил поля и сенные покосы, обру-

шивался гибельными пожарами, пугал зверем и всякой нечистью. Оттого-то, видно, в пинежской деревне редко кудрявится зелень под окном. В Пекашине и доселе живо поверье: у дома куст — настоится дом пуст.

Бревенчатые дома, разделенные широкой улицей, тесно жмутся друг к другу. Только узкие заулки да огороды с луком и небольшой грядкой картошки — и то не у каждого дома — отделяют одну постройку от другой. Иной год пожар уносил полдеревни; но все равно новые дома, словно ища поддержки друг у друга, опять кучились, как прежде.

Весна, по всем приметам, шла скорая, дружная. К середине апреля на Пинеге зачернела дорога, уставленная еловыми вешками, засинели забереги. В темных далях чернолесья проглянули розовые рощи берез.

С крыш капало. Из осевших сугробов за одну неделю выросли дома — большие, по-северному громоздкие, с мокрыми, потемневшими бревенчатыми стенами. Днем, когда пригревало, в когоре вскипали ручьи и по деревне волнующе расстился горьковатый душок оттаявших кустарников...

В правлении колхоза уже с час ждали председателя. Люди успели переговорить и о последних сводках Совинформбюро, и о письмах земляков с фронта, посетовали, что от союзников все еще нет помощи, а председателя не было.

Наконец на улице раздался конский топот.

— Едет наш Еруслан, — сказал кто-то со вздохом.

Шум и грохот на лестнице, визг половиц в коридоре — и в контору не вошел, а влетел коренастый мужчина в кубанке, лихо заломленной на самый затылок, в стеганке защитного цвета, туго перетянутой военными ремнями. Нахлестывая плеткой по голенищу, словно расчищая себе дорогу, он стремительно, враскачку, прошагал к председательскому столу, бегло окинул колхозников лихорадочно блесевшими глазами.

— Заждались? Ничего, привыкайте — время военное. Понятно? А где бригадиры номер три и четыре?

— Они, Харитоша, еще давеча ушли...

Председатель резко повернул голову к своему посыльному — маленькому, худенькому, как замороженный подросток, старикану, которого в деревне любовно называли Митенькой-мальшней.

— Сколько тебе говорено, что здесь нет Харитоши, а есть товарищ Лихачев?

Малышня, возившийся с дровами у печки, виновато заморгал кроткими, голубиными глазками.

— Сейчас же доставить!

Малышню как ветром выдуло из конторы.

Лихачев бросил на стол плетку, смахнул пот с жесткого, изрытого оспой, как картечинами, лица и открыл заседание:

— Какую обстановку видим на дворе? Наступающую весну! Генеральная линия — сев. Понятно? Я зачну сегодня без всякой политической подкладки — прямо с голой картины колхоза...

Люди недоверчиво переглянулись. Все по обыкновению приготовились слушать очередную речь председателя о международной обстановке, о положении на фронтах, его нескончаемые сетования на разнесчастную судьбу, обрекшую его воевать в тылу с бабьем.

— А картина эта... — Лихачев поморщился. — Ежели говорить критически, табак, а не картина! Знамя, где, спрашиваю, знамя? В переднем углу в «Красном партизане» Проньке Фролову затылок греет. А почему? Через что лишились? Хлеб в прошлом году упустили под снег? Упустили. Сенокос до ста не дотянули? Не дотянули. Ежели так катиться дальше — это в наше-то геройское время!.. — Лихачев сделал паузу. — Бригадиры, докладайте подготовку к севу.

Бригадиры молчали. По конторе, путаясь в золотой россыпи апрельского солнца, сизыми волнами расстился чад самосада.

Лихачев властно сказал:

— Бригадир номер один, говори!

Федор Капитонович пожал узкими плечами, не спеша встал:

— По нынешним временам — я так понимаю — терпимо. Семена на всходы пробованы, без плугов да борон тоже в поле не выедем — это уж как всегда. Ну а ежели в части навоза и маловато, да опять же война — понимать надо.

И Федор Капитонович, со значением посмотрев на колхозников, сел.

В глазах Лихачева мелькнула растерянность:

— Что ты мне портянку жуешь? Плуги, бороны... Пронька Фролов за тебя позор смывать будет? Товарищ Сталин как сказал? Перестроить всю работу на военный лад! Понятно? Сроки — вот об чем речь.

— Это уж как стихея, товарищ Лихачев, — развел руками Федор Капитонович. — Будет тепло — раньше прикончим, а ну как сиверок? Опять же сила наша... Колхозников-то натуральных — раз-два и обчелся...

— Это каких таких натуральных? — недоверчиво спросил Лихачев.

— Стало быть, так: по нашей деревне на войну десятков шесть взято. А кто остался? Старой да малой, да баба, как говорится по отсталости...

Лихачев крикнул в знак одобрения.

— А площадь? — продолжал неторопливо Федор Капитонович. — А площадь как были, так и остались. Вот и получается: семена-то в землю втолочим, а что соберем? Да ведь это разор колхозу и всей державе!

— Выкладывай! — поощрительно мотнул головой Лихачев, которому за многоречивым петлянием бригадира, видимо, почудилось какое-то важное предложение.

— Это к чему ты клонишь, Федор Капитонович? Посевы сокращать? Так понимать надо?

Взгляды всех обратились к черноглазой женщине в белом платке, сидевшей у окна рядом с молоденькой девушкой.

Федор Капитонович живехонько вскочил на ноги, всплеснул руками:

— Да что ты, бог с тобой, Анфиса Петровна! Такое скажешь — «посевы сокращать». Как можно? Об этом и думать не смей! — И Федор Капитонович строго и назидательно потряс дожелта прокуренным пальцем. — А вот ежели бы дальние поля на годик-другой в пары пустить — это другое дело.

— Что-то мудрено говоришь, Федор Капитонович, — опять подала голос Анфиса. — А по мне, что парь на два года разводить, что посевы сокращать...

— Это категорически не годится! Понятно? — отрезал Лихачев.

— Ведь вот народ, завсегда переиначат, — с обидой покачал головой Федор Капитонович. — Тут думаешь, как колхозу честь возвратить, а они же тебя и обвинят... Площадь сокращать — грому-то сколько! А подумала ты, Анфисьюшка, что такое площадь, с чем их едят-кушают? Ну хорошо же, растолкую я тебе... Мызы да навины у нас — считай, песок да камень. А при теперешнем уходе — и вовсе погибель наша. И вот ежели получше за ближние

поля взяты — картина сразу взиграет, все пары окупятся. Сами знаете, хорошая овца трех худых заменит... И еще скажу... — Тут Федор Капитонович, проворно оглянувшись вокруг, снизил голос до шепота: — Люди здесь свои, радетели колхоза... Налоги-то с площадей платить. А с умом повести дело — дальние навины списать можно. В районе тоже люди, и к ним подход найдется.

— Правильно... Надо и о себе подумать. С чем год жить будем? — раздались несмелые голоса.

— Это он верно, далеко смотрит!..

— А по-моему, — воскликнула молодая соседка Анфисы, — Федор Капитонович даже очень близко смотрит! По-моему, раз Украина-житница под врагом, сражение там... другие области и края заменить должны. Об этом и в газетах пишут...

Федор Капитонович насмешливо и сожалеюще посмотрел на девушку, которая от смущения покраснела до самых глаз.

— Ну, спасибо, Настасья Филипповна, просветила старика. И про Украину-житницу, и про сражение в ней — обо всем сведенье подала...

— Да будет тебе ехидничать-то, — нахмурилась Анфиса. — Умный человек, а слушать тошно. Срам какой!.. Мужики там кровью обливаются, а мы тут задумали кустарники в навинах разводить. Когда это нас о площадях спрашивали? А теперь небось план такой — пахать не перепахать...

— Тихо! — Лихачев пружинисто выпрямился. — Засевать все — до последней пяди! Понятно? А ты... — он бросил исподлобья взгляд на Федора Капитоновича, — твое выступление сегодня — чистая паника и малодушие. Понятно? Теперь так: вопрос к бригадиру номер два. Как смывать позор с колхоза будешь? Обозначь конкретно сроки. А то завела: «кустарники, кустарники...» Где твоя перестройка?

Анфиса побледнела, вскинула голову:

— Ну вот что, Харитон Иванович! С завтрашнего дня я тебе не бригадир — поищи другого. Хватит — поперестраивал. Только и слышу: панику не разводи, перестраивайся на военный лад! А сам-то ты перестроился? А по мне, дак вся твоя перестройка, что обзавелся шлеей да брючищами с красной прошвой...

По конторе прошел сдержанный смешок и разом оборвался.

— Ты это, Минина, что? — Лихачев, как штык, выбросил в сторону Анфисы обрубок левой кисти. — Тыл подрывать? На кого работаешь?

В томительной тишине все услышали тяжелую, медвежью поступь в коридоре. Двери треснули, и в контору, шумно дыша, ввалился низкорослый Трофим Лобанов. Из чащи седого волоса, как стоячие озера, глянули круглые немигающие глазищи.

— Слыхали? — воstrубил он на всю контору. — Степан письмом от сына получил...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анфиса еще с крыльца правления услышала дробный перестук топора — в пристынувшем воздухе он гремел на всю деревню. Она сразу догадалась: сват Степан на своем сенике воюет. Всегда вот так — и горе, и радость топором вырубает.

Дом Степана Андреяновича, большая двухэтажная хоромина с малой боковой избой, выходит на улицу взвозом — широким бревенчатым настилом с перилами, по которому в прежнее время гужом завозили сено да солому на сеник.

У других хозяев взвозы давно уже переведены на дрова, а новые дома строили вообще без них: для одной коровы и на руках нетрудно поднять корм. Степан Андреянович поддерживал взвоз в сохранности. Поднимаясь на сеник, Анфиса даже отметила про себя, что некоторые прохудившиеся балки заменены новыми лесинами. Ей и всегда-то нравилась хозяйственная ретивость старика, а сейчас, во время войны, когда без мужского догляда на глазах ветшали и разваливались постройки, она всякий раз, проходя мимо, с удовольствием поглядывала на дом свата: все крепкое, добротное, сделано на вечные времена.

Из открытых дверей с просмоленными косяками тянет свежей щепой, старыми березовыми вениками. И тут все надежно, домыто. По одним топорам видать хозяина. Не меньше дюжины их в деревянной натопорне. А сколько топоров, столько, говорят, и рук в доме.

Степан Андреянович, широко расставив ноги в низких валенках, носками зарывшихся в щепу и стружку, выгнул березовый полоз. Непокорное дерево скрипело, упиралось, из стороны в сторону водило тело старика.

— Слыхала про нашу-то радость?

Полоз стремительно повело назад. Анфиса хотела кинуться на помощь, но старик с силой рванулся вперед, и полоз нехотя, со скрипом вошел в петлю.

Наспех вбив расклинье, Степан Андреянович разогнулся и, шумно дыша, с радостным блеском в глазах, подошел к Анфисе. Как всегда — и в лютый мороз, и в несносную жару — был без шапки. В густых рыжих волосах, подстриженных по-стариковски в кружок, просвечивала мелкая стружка.

— Ну, с праздником тебя с великим, сват. Дождались-таки весточки.

— Да уж праздник дак праздник. Каково, сватыюшка, с самой-то войны ни слуху ни духу?.. Чуешь, двери-то хлопают, — кивнул Степан Андреянович в темный угол на лестницу, которая вела в боковую избу. — Сама-то прямо ожила, а то ведь лежкой лежала. Рубаху сына в избе развесила... Да ты присядь, сватья. — Степан Андреянович выдвинул подсанки из угла, сел рядом с Анфисой.

— А твой все не пишет?

— Нет, — сухо ответила Анфиса. — А что Василий Степанович? Здоров?

— Слава богу, здоров и невредим. А бывать во всяких сраженьях бывал. И на купированных землях, и в партизанах, и фронт переходил — всего досталось. Вишь ты, сразу-то в окружение попал, ну и письмо-то некак было послать... А что про немцев, Анфисьюшка, пишет — страсть! Людей наших тиранят — хуже татар каких... Да ты зашла бы в избу. Чайку бы попили. Я сахарком на днях разжился... Мы ведь как-никак родня. С твоей-то матерью кумовьями были. Покойница, бывало, редкий праздник не зайдет...

— Зайду, зайду. Только не сейчас. Корова еще не доена. Полдня в правленье высидела.

— Заседали?

— Ох, наше заседанье, — вздохнула Анфиса. — Весна на поля просится, а у нас глаза бы не глядели. Я не утерпела — сказала. Да уж Лихачев кричал... А Федор Капитонович, подумай-ко, сват, что надумал? Дальние навины под пары пустить... Я говорю, самое время лес на полях разводить. Где только и совесть у человека...

— Да-а... — неопределенно протянул Степан Андреянович.

Над головой, обдуваемые ветерком, зашелестели веники. Сквозь щель в крыше робко и неуверенно проглянула первая звездочка. Анфиса поднялась с подсанок:

— Забыла, сват... Завтра по сено с бабами не съездишь? Речонка, говорят, сопрела. Куда они без мужика?

Степан Андреянович почесал в затылке:

— Поясница у меня... ладу нет...

— Поясница? — Анфиса обвела глазами темные простенки с белевшими полозьями. — Сани небось для лесопункта день и ночь колотишь...

— Да ведь плачешь, да колотишь. Исть-пить надо.

— А колхоз пропадай?! Бабы и то говорят: нам житья не даешь, а свата укрываешь... Ты хоть бы для сына это...

— Не по-родственному, сватья, — с обидой в голосе проговорил Степан Андреянович.

— А всю работу взвалить на баб — это как, по-родственному?

На улице, ступая по заледенелой дороге, Анфиса одумалась. Она была вконец недовольна собой. И что это на нее сегодня нашло? Со всеми переругалась. И зачем старику-то радость испортила?

Над деревней сгущались синие сумерки. Огня в домах не зажигали — всю зиму сидели без керосина. Только кое-где в проулках вспыхивала лучина, которой освещалась хозяйка, не успевшая управиться с домашними делами засветло. За рекой вставала луна — огромная, багрово-красная, и казалось, отсветы пожара, далекого и страшного, падают на белые развалины монастыря, на тихие окрестности северной деревни, затерявшейся среди дремучих лесов.

Дома, подоив корову, Анфиса поужинала в потемках и лишь тогда засветила маленькую коптилку.

Под окошками голосисто и жалобно всплеснулась частушка:

На германскую границу
Накидаю елочек,
Чтоб германские фашисты
Не убили дрочечек.

Девушки шли стенкой, взявшись за руки, а сзади них врассыпную, как телята при стаде, бежали нынешние ухажеры.

«Бедные девки, — подумала Анфиса, задерживая занавеску, — и погулять-то вам не с кем».

Потом она снова села за стол и стала читать длинный-предлинный вопросник, который ей еще утром вручили в правлении. Неслыханные порядки заводил Лихачев. Каждую неделю бригады должны подавать письменную сводку.

Вывозка навоза, ремонт сельскохозяйственных машин и орудий (сеялки, плуги, бороны), процент всхожести семян. Наличие рабочей силы (мужчин, женщин, подростков)...

Да что он, рехнулся? По неделям растут люди, что ли? Но делать нечего — пиши, коли приказано.

Последние слова она дописывала, зевая, борясь со сном. Уже раздеваясь, услышала под окном летучие, хрустящие шаги.

— Можно на огонек?

В темноте у порога как звезды блеснули глаза. Не дожидаясь ответа, Настя подбежала к Анфисе, обхватила ее холодными руками. На Анфису пахло весной, летом.

— Уже ты, заморозишь! — Она с притворной строгостью начала отпихивать девушку.

— Заморожу? Ну так вот тебе, вот тебе...

И Настя со смехом стала обнимать Анфису, прижиматься к ее лицу нахолодавшей щекой.

Анфиса, поеживаясь, ворча, высвободилась из объятий, накинула на плечи байковую кофту: ей неловко было стоять перед девушкой полураздетой, хотя та редкий вечер не забегала к своей подруженьке. И все вот так: то «на огонек», то «на минутку отпышаться»...

— Ты что не в клубе? — не без удивления спросила Анфиса, разглядывая девушку. На ней была обычная стеганка, в которой она ходила на работу, серые валенки, обшитые на носках кожей.

— А чего я там не видала? Пыль да копоть от лучины? — Настя присела на стул, сдвинула на затылок белый пушистый платок. — Я знаешь где была? В навинах. Мама за прутьем посылала — нечем опахаться у крыльца. А в навинах... Луна, наст крепкий-крепкий. Я как на крыльях летела... А знаешь что, Фисонька? — вдруг присмившим, загадочным голосом зашептала Настя. — Мне опять письмо пришло. Карточку просит...

Вся вспыхнув, она медленно подняла глаза к Анфисе:

— Посылать ли?

Анфиса не могла сдержать улыбки. Ох, Настя, Настя, и выдумала ты себе любовь. Парня в глаза не видала — может, и взглянуть не на что. Да и то сказать: где они, парни-то? Хоть на бумаге, а любовь...

И она живо ответила:

— Пошли, пошли. Почему не послать.

Настя с благодарностью улыбнулась ей.

— Я вот не знаю только, — тем же доверчивым голосом, помолчав, заговорила она, — какую карточку... Я бы хотела, знаешь, ту, где я с косами. Только там я босиком. Может, нехорошо?

— А чего нехорошо? Ноги у тебя не украдены. Пусть полюбуется.

— Ох уж ты, Анфиса Петровна... — Настя стыдливо покачала головой.

Потом она с прежней живостью вскочила на ноги:

— Побегу — завтра рано вставать... А я тебе опять сон растрясла.

— Ладно, высплюсь. А как там в дальних навинах? — спросила Анфиса уже у порога. — Много навозил Клевакин навоза?

— Федор-то Капитонович? — беззаботно улыбнулась Настя. — Что ты, Анфиса Петровна! Где кучка, где две. А у Поликарпа и того нет — голым-голо...

— Да не может быть! — Анфиса схватила девушку за руки.

— Нет, вру я, — обиделась Настя. — Сходи посмотри сама.

Анфиса выпустила Настины руки:

— Ну тогда без хлеба останемся... Поликарпова бригада за всегда выручала.

Настя широко раскрытыми глазами, не дыша, смотрела на Анфису. Она поняла все. В дальних навинах без навоза и сорняка не родится. Где же у нее-то глаза были? Еще комсорг... Ведь должна бы знать: Поликарп всю зиму болеет. Тот, колхозный радетель, за него и бригадой правит.

Она быстро забегала по комнате. На столе вздрогнул и замигал светлячок керосинки.

— Вот что, — сказала Настя решительно, — я Лихачева искать пойду.

Анфиса безнадежно махнула рукой:

— Как же, найдешь теперь нашего Харитона.

— Ну дак я всех на ноги подыму. Палку возьму да под каждым окошком стучать буду.

— Не выдумывай. Женки весь день с сеном маялись — из-за Синельги вброд доставали...

Настя с отчаянием всплеснула руками:

— Да ведь, может, завтра ручьи побегут. Ты что, Анфиса Петровна, не понимаешь?

Анфиса нахмурила брови:

— Разве ребят да девок кликнуть — давеча в клуб прошли.

— А ведь и вправду!

Настя схватила с вешалки Анфисину фуфайку, плат.

— Пойдем, Анфисонька, тебя лучше послушают.

Мишка Пряслин, взбежав на крылечко своего дома, осторожно открыл ворота, ощупью — пересчитывая шаткие половицы в сенцах — добрался до дверей. В избе темно, пахнет сосновой лучиной с печи, нагретым тряпьем. От передней лавки — посапывание спящих ребятишек.

— Явился, полуночник. Уроки опять не выучил.

Мишка, не обращая внимания на ворчание матери, приподнявшейся на постели, торопливо прошел в задоски¹ и, на шарив чугуном с холодной картошкой, сунул несколько картофелин в карман. У печки под порогом с трудом разыскал рукавицы.

— Да ты никак опять на улицу?

— Нет, лежать буду, — огрызнулся Мишка. — Понимаешь, — горячо зашептал он, на цыпочках подходя к матери, — у Поликарпа все навины голы... Сейчас прибежала в клуб Анфиса Петровна — всех навоз возить.

Мишка выпрямился, стряхнул с себя сонное тепло.

— Переоденься. В чем в школу-то пойдешь?

— Ну еще...

— Переоденься, кому говорят. Вот уже напишу отцу... Совсем от рук отбился.

— Да пиши ты, жалоба. Все только отцом и стращаешь...

От дома Пряслиных до конюшни целый километр, и вот то, чего боялся Мишка, случилось. Прибежал он на конюшню, а лошадей уже не было.

Конюх Ефим зло пошутил:

— Бойкостью ты, парень, не в отца. Тот, бывало, завсегда во всем первый... Ну, коли проспал, запрягай быка.

И Мишка, чуть не плача от стыда, выехал с конюшни на проклятой животине. Возле кузницы он услышал знакомый-знакомый перепляс кованых копыт. Взметнувшимся ветром у него едва не сорвало с головы шапку, на сани дождем посыпались ошметки наледи. Мимо, весь залитый лунным светом, пролетел Партизан. На санях, натянув вожжи, дугой выгибалась Дунярка.

— Что, Мишка, всхрапнул часок-другой? — насмешливо крикнула она, оборачиваясь. — А я уж за вторым еду.

Мишка хотел крикнуть что-нибудь донельзя обидное, но от Партизана уже и след простыл... Так вот кто опять перескочил ему дорогу! Из-за этой язвы у Мишки вся жизнь шиворот-навы-

¹ *Задоски* — часть избы спереди печи, отгороженная дощатой заборкой.

ворот. Какого стыда он натерпелся на днях! «У Пряслина рост с телушку, а сознательности на полушку...» Ну и прокатили, не приняли в комсомол... У нее и отец такой. Бывало, идет Мишка с ребятами, а тот сидит под окошком, зубы скалит: «Зятек, приворачивай на чаек». Так и прилип этот «зятек», как репей к шелудивому барану. Ладно, хоть черта зубастого на войну утыпали, а то бы житья от него не было...

У скотного двора народу и лошадей сбилось как на ярмарке. Шум, смех, лязганье вил, смачное шлепанье навоза. Кто-то светил лучиной. Мишка еще издали увидел Партизана. Среди низкорослых брюхатых лошадемок он возвышался как лебедь — белый, с гордо выгнутой гривастой шеей.

Мишка пристроил быка в очередь и, кляня все на свете, стал проталкиваться к саням, на которые наваливали навоз. Дунярка и тут командовала. Как же, выхвалялась! Придерживая за узду жеребца, нетерпеливо перебиравшего ногами, она покрикивала:

— Наваливайте скорей! Это вам не бык столетней давности.

— Как же ты оплошал, Михаил? — спросила его Анфиса. — Дунярка, отдай ему Партизана. Где тебе с таким зверем управиться!

— Как бы не так, — ухмыльнулась Дунярка. — Это мы еще посмотрим.

— Не горюй, Мишка, — рассмеялась Варвара Иняхина, поворачиваясь к нему. — Которым с быками не везет, тем в любви везет. Хочешь, ягодка, поцелую?

Мишка оторопело попятился назад. Дунярка взвизгнула.

— Вzbесилась, кобыла! — гаркнул Трофим на Варвару. — Скоро на детей будешь кидаться!

— Я бы и тебя, Трофимушко, поцеловала, да у тебя борода колючая...

Поднялся шум, галдеж — вороны так на холод не кричат.

Мишка сбегал к своим саням за вилами — разве дожدهшься толку, когда бабье свой граммофон заведет? — и вместе с навальщиками принялся отдирать навоз.

Со скотного двора он все же выехал на коне. Уступила Парасковья, которая, как рассудили женщины, хоть на черта посади — все равно по дороге заснет. Немудреный конек, еле ноги переставляет, а ежели поработать ременкой — ничего, трясется...

Скрипят полозья по оледенелой дороге. По небу бежит месяц яснолицый, заглядывает Мишке в глаза, серебром растекается по

Абрамов Ф.

А 16 Братья и сестры : Тетралогия / Федор Абрамов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 1024 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27213-2

Федор Абрамов (1920–1983) родился в крестьянской семье в деревне Вёркола Архангельской области. В июне 1941 года добровольцем ушел на фронт, был ранен, пережил блокадную зиму в ленинградском госпитале. «В конце зимы сорок второго года меня, тяжелораненого фронтовика, вывезли из блокадного Ленинграда на Большую землю, — вспоминал Абрамов. — После долгих скитаний по госпиталям я наконец очутился у себя на родине — в глухих лесах Архангельской области... Много видел я в то лето людского горя и страданий. Но еще больше — мужества, выносливости и русской душевной щедрости...» На основе увиденного родились «Братья и сестры», дебютный роман Федора Абрамова. Книга вышла в свет в журнале «Нева» в 1958 году и сразу завоевала любовь читателей, а впоследствии получила продолжение в романах «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ

БРАТЯ И СЕСТРЫ

ТЕТРАЛОГИЯ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Ольга Золотова,
Юлия Теплова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 14.11.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 62,72. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-36215-01-R